

DOI: 10.17803/1729-5920.2021.180.11.062-076

В. Д. Никишин*

Колумбайн (скулшутинг): сущность, правовая квалификация, криминалистическая диагностика¹

Аннотация. Статья отражает результаты комплексного юридико-лингвистического исследования субкультуры «колумбайн» («скулшутинг») с позиций криминологии, уголовного права, криминалистики и судебного речеведения. Несмотря на некоторую условность устоявшегося термина «скулшутинг», заимствованного из английского языка, автор исходит из того, что под скулшутингом следует понимать любую форму насильственных действий в образовательных учреждениях, совершаемых учащимся (группой учащихся) или посторонним лицом в отношении преподавателей и обучающихся с использованием оружия и подручных средств.

Эмпирическую базу исследования составили публикации российских и зарубежных ученых, результаты полуавтоматизированного мониторинга социальных сетей на предмет пропаганды скулшутинга, а также материалы уголовных дел, находящихся в архивах следственных управлений Следственного комитета Российской Федерации по Волгоградской, Московской, Саратовской, Тюменской, Челябинской области, Красноярскому краю и Республике Хакасия. Автор делает вывод об экстремистско-террористической сущности субкультуры колумбайнеров, обобщает наиболее характерные идейные установки данной субкультуры, признаки вовлеченности лица в сообщества скулшутинга, рассматривает проблемы правовой квалификации актов скулшутинга и предлагает криминалистические диагностические комплексы экстремистских речевых действий, направленных на пропаганду колумбайна. Указанные комплексы дают правоприменителю четкую критериологию для признания или непризнания информационных материалов экстремистскими, а также для привлечения или непривлечения лица к ответственности в соответствии со ст. 205.2, 280, 282 УК РФ при наличии или отсутствии направленности пропагандируемых массовых расстрелов на устрашение населения с целью оказания воздействия на органы власти или экстремистских мотивов.

Ключевые слова: колумбайн; скулшутинг; терроризм; экстремизм; деструктивная пропаганда; информационная безопасность; медиабезопасность; криминалистическая диагностика.

Для цитирования: Никишин В. Д. Колумбайн (скулшутинг): сущность, правовая квалификация, криминалистическая диагностика // Lex russica. — 2021. — Т. 74. — № 11. — С. 62–76. — DOI: 10.17803/1729-5920.2021.180.11.062-076.

The Columbine (School Shooting): Essence, Legal Qualifications, Forensic Diagnostics²

Vladimir D. Nikishin, Cand. Sci. (Law), Director of the Center for Academic Development and Educational Innovation, Senior Lecturer, Department of Forensic Expertise, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
vnikishin@msal.ru

Abstract. The paper is devoted to the results of a comprehensive legal and linguistic study of the “Columbine” (“school shooting”) subculture from the standpoint of criminology, criminal law, forensic science and forensic

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00190.

² The reported study was funded by RFBR according to the research project № 20-011-00190.

© Никишин В. Д., 2021

* *Никишин Владимир Дмитриевич*, кандидат юридических наук, директор Центра академического развития и образовательных инноваций, старший преподаватель кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
vnikishin@msal.ru

speech studies. Despite some conventionality of the well-established term "school shooting" borrowed from the English language, the author proceeds from the fact that any form of violent actions in educational institutions committed by a student (group of students) or an outsider in relation to teachers and students using weapons and improvised means should be understood as school shooting.

Empirically, the study is based on the publications of Russian and foreign scientists, the results of semi-automated monitoring of social networks for the promotion of school shooting, as well as materials of criminal cases held in the archives of the investigative departments of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Volgograd, Moscow, Saratov, Tyumen, Chelyabinsk regions, Krasnoyarsk Territory and Republic of Khakassia. The author concludes that the the Columbine subculture is extremist-terrorist in its essence. The paper summarizes the most characteristic ideological attitudes of this subculture, signs of a person's involvement in the targeted community, examines the problems of the legal characterisation of school shooting acts and proposes criminalistic diagnostic complexes to examine extremist speech actions aimed at promoting Columbine. These complexes give a law enforcement officer clear criteria for recognizing information materials as extremist, as well as for holding liable or discharging an individual under Art. 205.2, 280, 282 of the Criminal Code of the Russian Federation depending on the presence or absence of mass executions propaganda aimed to intimidate the population in order to influence the authorities or other extremist motives.

Keywords: Columbine; school shooting; terrorism; extremism; destructive propaganda; Information Security; media security; forensic diagnostics.

Cite as: Nikishin VD. Kolumbayn (skulshuting): sushchnost, pravovaya kvalifikatsiya, kriminalisticheskaya diagnostika [The Columbine (School Shooting): Essence, Legal Qualifications, Forensic Diagnostics]. *Lex russica*. 2021;74(11):62-76. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.180.11.062-076 (In Russ., abstract in Eng.).

По мнению большинства современных ученых, скулшутинг (колумбайн) является радикальным субкультурным течением — одной из крайних форм проявления деструктивного поведения среди подростков из числа учащихся образовательных учреждений.

Мы полагаем, что скулшутинг следует трактовать как любую форму насильственных действий в образовательных учреждениях, совершаемых учащимся (группой учащихся) или посторонним лицом в отношении преподавателей и обучающихся с использованием оружия и подручных средств.

Следует отметить некоторую условность устоявшегося термина «скулшутинг», заимствованного из английского и в буквальном переводе означающего «школьная стрельба», т.к. в проанализированных нами актах колум-

байна вместо огнестрельного оружия нередко использовались взрывные устройства, зажигательные смеси, холодное оружие, топоры и т.п. Зародившееся в США движение «колумбайн» распространилось в западном мире³ и в последние годы активно развивается в России, при этом дислокация совершения актов скулшутинга охватывает уже не только школы, но и университетские корпуса⁴, а также другие места массового скопления людей⁵. Трагедия в школе «Колумбайн» (США) в 1999 г. была далеко не первой вспышкой насилия в образовательных организациях (например, еще в 1927 г. в США в результате массового расстрела в школе города Бат погибли 44 человека, 58 получили тяжелые травмы), но именно она стала поп-культурным феноменом, культом, символом для последователей скулшутинга (именно из числа подростко-

³ Lankford A. Are America's public mass shooters unique? A comparative analysis of offenders in the United States and other countries // *International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice*. 2016. Т. 40. № 2. P. 171–183 ; Malkki L. Political elements in post-Columbine school shootings in Europe and North America // *Terrorism and political violence*. 2014. Т. 26. № 1. P. 185–210.

⁴ Larkin R. W. The Columbine Legacy: Rampage Shootings as Political Acts // *American Behavioral Scientist*. 2009. Vol. 52. № 9. P. 1309.

В России: массовое убийство в Пермском государственном университете 20 сентября 2021 г., массовое убийство в Керченском политехническом колледже 17 октября 2018 г.

⁵ Например, в 2020 г. СМИ опубликовали статью «Дэнчик умный, образованный человек. Он вдохновился чуваками из "Колумбайна"» (URL: <https://dailystorm.ru/obschestvo/denchnik-umnyy-obrazovannyi-chelovek-on-vдохновilsya-chuvakami-iz-kolumbayna> (дата обращения: 21.08.2021)). «Герой» статьи (Дэнчик) — это Даниил Монахов (18 лет), который расстрелял свою бабушку и нескольких прохожих у автобусной остановки..

вой аудитории, а не взрослых людей, осуществляющих вооруженные нападения на школы). 20 апреля 1999 г. учащиеся старших классов Эрик Харрис и Дилан Клиболд совершили нападение на учеников и персонал школы с применением стрелкового оружия и самодельных взрывных устройств. В результате были убиты 13 человек (12 учеников и учитель) и ранены 23 человека. Оба преступника покончили жизнь самоубийством, застрелившись.

Как отмечает Дэвид МакВильям, наследие «Колумбайна» настолько велико, что само это слово стало именем нарицательным — обозначением стрельбы в школах⁶.

Нами избран подход, в соответствии с которым понятия «колумбайн» и «скулшутинг» («школьные расстрелы») используются в качестве синонимов.

Т. Киилокоски и А. Оксанен утверждают, что расстрел в школе «Колумбайн» породил «культурный скрипт» — сценарий для подражания приверженцами идей массовых школьных расстрелов⁷. Во многом это обусловлено активным освещением в медиа инцидента в школе «Колумбайн», созданием криминального мифа «малолетнего суперхищника»⁸.

Как отмечает Ш. МакМурдо, освещение в СМИ было сосредоточено на преступниках, а не на жертвах⁹, такая навязчивая фиксация внимания на Э. Харрисе и Д. Клиболде превратила отчужденную молодежь в «новый экзотический вид, за которым нужно наблюдать»¹⁰.

Р. В. Ларкин, раскрывая важность инцидента в школе «Колумбайн» как культурного феномена, называет его «культурным водоразделом», достигшим «мифического существования»¹¹. В медиасреде активно распространялись дневниковые записи Э. Харриса и Д. Клиболда, видеозапись самого расстрела,

тексты и видеозаписи с веб-сайта, который вел Э. Харрис (Trench Coat Mafia Web site — Сайт Мафии плащей), информация об увлечениях, любимых фильмах и музыкальных группах данных преступников и т.д., также вышел ряд кинокартин, повествующих о массовом расстреле в школе «Колумбайн» («Боулинг для Колумбины», «Слон», «Нулевой день», «Нулевой час», «Класс», «Школьный стрелок» и др.).

Распространение колумбайн-пропаганды достигло поистине пугающего размаха сейчас, в эпоху новых медиа. Понятие «новые медиа» стало использоваться, чтобы отличать традиционные СМИ (пресса, радио, ТВ) от блогов, интернет-СМИ, социальных сетей и иных цифровых медиаплощадок. Синонимами термина «новые медиа» часто выступают «интернет-медиа», «онлайн-медиа», «сетевые медиа», «мультимедийные СМИ», «конвергентные СМИ»¹².

Интернет на современном этапе развития общества и информационных технологий является не только основным средством распространения информации, но и своего рода «субъектом», определяющим новые направления и формы управления общественным сознанием. К сожалению, мониторинг социальных сетей и иных интернет-медиа, а также анализ правоприменительной практики демонстрирует наличие в киберпространстве разветвленной сети деструктивных сообществ аутодеструктивной и агрессивной направленности, в том числе сообществ колумбайнеров (скулшутеров).

Как правило, для сообществ подобного рода характерно наличие таких признаков, как «мода на оружие»; романтизация и оправдание действий «скулшутеров»; пропаганда насилия над преподавателями и учащимися с использованием дискредитирующих видео, де-

⁶ McWilliam D. Fear and loathing in suburbia: School shootings // Violence in American Popular Culture / D. Schmid (ed.). Santa Barbara : Praegar, 2015. P. 183.

⁷ Kiilakoski T., Oksanen A., Soundtrack of the school shootings: Cultural script, music and male rage // Young. 2011. Vol. 19. № 3. P. 247–269.

⁸ Muschert G. W. The Columbine victims and the myth of the juvenile superpredator // Youth, Violence and Juvenile Justice. 2007. Vol. 5. № 4. P. 351–366.

⁹ McMurdo S. 'It's a filthy goddamn helpless world': Reimagining Columbine, Tate Langdon and the spectre of school shooters // European Journal of American Culture. 2019. Vol. 38. № 1. P. 62.

¹⁰ Fryer B. The media spectacle of Columbine: Alienated youth as an object of fear // American Behavioural Scientist. 2009. Vol. 52. № 10. P. 1387–1404.

¹¹ Larkin R. W. The Columbine Legacy: Rampage Shootings as Political Acts // American Behavioral Scientist. 2009. Vol. 52. № 9. P. 1309–1326.

¹² Рогалева О. С., Шкайдерова Т. В. Новые медиа: эволюция понятия (аналитический обзор) // Вестник ОмГУ. 2015. № 1 (75). С. 222–225.

мотиваторов и челленджей; видеозаписи сцен насилия и убийств (в первую очередь массовых расстрелов).

Осенью 2020 г. журналисты констатировали, что «российские регионы захлестнуло движение «Колумбайн»¹³, причем задержанные накануне 1 сентября 13 подростков проживали в разных регионах РФ, но входили в одно закрытое интернет-сообщество. Центром «Безопасность 2.0» за август 2020 г. было выявлено несколько тысяч видео (в социальной сети TikTok), в которых в той или иной степени оправдывались теракты в школах. У видео, промаркированных хештегом #колумбайн, в TikTok более 3,5 млн просмотров¹⁴. В 2019–2021 г. лица, причисляющие себя к движению колумбайнеров, обнаружены правоохранительными органами в Адыгее, Татарстане, Хакасии, Крыму, на Сахалине, в Забайкальском, Красноярском и Хабаровском краях, в Ненецком автономном округе, в Кировской, Свердловской, Волгоградской, Тюменской, Саратовской, Челябинской, Московской, Смоленской областях и других регионах России.

По данным компании «Квибрум», по состоянию на 2019 г. на территории России в различных социальных сетях действовало более 300 аккаунтов (групп), в которых размещены публикации о намерении напасть на образовательную организацию или совершить иные поступки экстремистского характера¹⁵. По оценкам экспертов, общее число участников движения «колумбайн» в Рунете по состоянию на 2019 г. составляло 470 000, среди них подростков — 112 000; прирост только за год с марта 2018 г. по март 2019 г. составил, соответственно, 125 000 и 20 000 человек¹⁶.

По данным Центра анализа и профилактики информационных угроз в молодежной среде РТУ МИРЭА (далее — ЦАПИ), по состоянию на май 2021 г. распространение идеологии скулшутинга в социальных сетях «ВКонтакте» (агрессивная агитация) количественно явно выражено в следующих показателях: 662 сообщества,

430 166 подписанных аккаунтов; количество аккаунтов в социальной сети Instagram, в которых упоминается скулшутинг, — 4 140.

Мониторинг социальной сети «ВКонтакте» показал, что уже в первые часы после колумбайн-трагедии в гимназии № 175 г. Казани 11 мая 2021 г. (в результате взрыва и стрельбы погибли 9 человек, 32 пострадали) появилось не менее 20 аккаунтов под псевдонимом подозреваемого — Ильназа Галявиева, на аватарах данных аккаунтов — вариации фотографии И. Галявиева в маске с надписью «БОГ». 20 сентября 2021 г., в день трагедии в Пермском государственном университете (погибли не менее 6 человек и не менее 27 получили ранения), в социальной сети «ВКонтакте» при поисковых запросах появлялись лишь единичные фейковые страницы стрелка — Тимура Бекмансурова (что говорит об оперативной «отработке» администрацией соцсети данного инфоповода: личная страница подозреваемого с размещенным на ней манифестом также была оперативно заблокирована).

Контент онлайн-сообществ и аккаунтов колумбайновского дискурса посвящен прежде всего героизации скулшутеров (Э. Харриса, Д. Клиболда, В. Рослякова и т.д.): фотографии, арт, иные изображения, аудио- и видеозаписи (причем фото-, видеоизображения не только реальных колумбайнеров, но и актеров, сыгравших их в художественных и документальных фильмах), тексты (в том числе фанфики и крипипасты, цитаты из дневников / страниц в социальных сетях «состоявшихся» колумбайнеров).

В этой связи маркерами вовлеченности лица в движение колумбайн выступают в том числе:

— наличие в никнеймах в социальных сетях (псевдонимах) заимствований имен и/или фамилий Харрис/Клиболд/Росляков (и вариации), а также Reb/Vodka (игровые прозвища американских колумбайнеров), или «Странный Тип» / «Анатолий Смирнов» (псевдонимы, использованные В. Росляковым в социальной сети «ВКонтакте»);

¹³ URL: <https://sevastopol.su/news/pacan-k-uspehu-shel-rossiyskie-regiony-zahlestnulo-dvizhenie-kolumbayn> (дата обращения: 25.06.2021).

¹⁴ URL: https://ren.tv/news/x/744296-za-avgust-v-tiktok-vyjavili-neskolko-tysiach-opravdyvaiushchikh-terakty-video?utm_source=twitter&utm_medium=social (дата обращения: 25.04.2020).

¹⁵ Методическое пособие по выявлению признаков риска поведения в социальных медиа. Цифровая гигиена. М. : Квибрум, 2019. С. 6.

¹⁶ Касперская Н. Проблема деструктивных движений в Рунете : [выступление на форуме «Цифровая гигиена. Молодежь в сети» (Москва, 28 марта 2019 г.)] // URL: <https://mediamera.ru/post/29103> (дата обращения: 07.05.2021).

- надписи на одежде, подписи к публикациям в социальных сетях и т.д., содержащие слова Wrath, «Ненависть», «Гнев» / Natural selection, «Естественный отбор», «Биомусор»;
- использование в постах словосочетаний, фраз и аббревиатур NBK¹⁷, «ПУ»¹⁸, «Мафия плащей»¹⁹, KMFD²⁰, Kill mankind, «джоки»²¹, Humanity is overrated и т.д.;
- дата «20 апреля» (часто ставится в статусе или в графе «День рождения» персональных страниц в социальных сетях) — отсылка к 20 апреля 1999 г.;
- наличие большого количества аудиозаписей, характерных для «скулшутеров» (музыкальные группы: Foster The People — Pumped up Kicks, Rammstein, KMFD).

Согласно замечанию Ф. Н. Гурова, «в информационную эру индивид становится объектом манипулирования с целью обеспечить “заказчику” необходимое поведение пользователей»²². Не являются исключением и скулшутинговые сетевые сообщества.

Пропаганда скулшутинга чревата совершением актов колумбайна не только лицами с психическими отклонениями, но и психически здоровыми людьми, на которых на систематической основе оказывается психологическое воздействие; в сознании которых формируют симулякры, целенаправленно замещающие реальность ложными установками и символами,

вводящие убийство и насилие в ранг нормы и средства разрешения проблем; психологическими (в том числе возрастными) проблемами которых «играют» кукловоды-идеологи колумбайн-движения (конфликты со сверстниками, родителями, учителями и т.д.); и которых в конечном итоге доводят до психических расстройств. Продвижение в новых медиа колумбайн-тематики не только оказывает пагубное воздействие на несформировавшуюся психику детей и молодежи и стимулирует их к совершению массовых убийств и самоубийств, но и ведет к росту социальной напряженности, формированию атмосферы страха в обществе, росту недоверия к органам государственной власти.

В Рекомендациях по установлению и соблюдению стандартов требований к программам в сфере первичной профилактики социально опасных явлений в молодежной среде Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ справедливо указывается:

«Особенно острой является задача профилактики социально опасных явлений среди подрастающего поколения и молодежи. Подростки и молодежь в наибольшей степени подвержены угрозам социально опасных явлений — им свойственны активность и рискованное поведение, требуется вполне закономерный выброс энергии, в возрасте от 14 до 25 лет они готовы воспринимать все новое и непознанное, не задумываясь о последствиях. Эти

¹⁷ Natural Born Killers — название картины Оливера Стоуна «Прирожденные убийцы»; данной аббревиатурой Э. Харрис и Д. Клиболд обозначили предстоящее массовое убийство (день нападения на школу).

¹⁸ ПУ — русскоязычная аббревиатура — отсылка к фильму «Прирожденные убийцы» («в естестве человека нет запретов, мы можем убивать, насиловать, поработать. Почему если один человек лучше другого он не может его убить? Мой выбор — убивать. Мы ждем дня ПУ» (орфография и пунктуация сохранены)).

¹⁹ Отсылка к сообществу, в которое входили Д. Клиболд и Э. Харрис; сообщество характеризовалось как объединение аутсайдеров («ты не в мафии плащей»). Trench Coat Mafia Web site — Сайт Мафии плащей (который вел Э. Харрис).

²⁰ Акроним названия немецкой музыкальной группы Kein Mehrheit Für Die Mitleid («Никакой жалости к большинству»); дата выпуска альбома группы совпала с днем нападения на школу «Колумбайн» в 1999 г., а тексты некоторых песен данной группы (Son of a Gun, Stray Bullet, Waste) были размещены на личной странице Э. Харриса. Примечательно, что 15-летний подросток, совершивший акт колумбайна в Бурятии 19 января 2018 г., был в футболке с надписью KMFD.

²¹ Отсылка к сленговому обозначению спортсменов, которым пользовались Э. Харрис и Д. Клиболд.

²² Гуров Ф. Н. Информатизация общества и трансформация субъекта коммуникативных практик // Гуманитарный вестник. 2019. № 4 (78). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatizatsiya-obschestva-i-transformatsiya-subekta-kommunikativnyh-praktik>.

²³ Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств от 20.05.2016 № 44-12 «О Рекомендациях по установлению и соблюдению стандартов требований к программам в сфере первичной профилактики социально опасных явлений в молодежной среде» // СПС «КонсультантПлюс».

факторы в сочетании с недостаточным уровнем знаний и жизненного опыта у подростков и молодежи определяют приоритет работы с этой социально-возрастной группой»²³.

В случае колумбайн-пропаганды фон (завлечение) новых адептов реализуется в основном через публикации околоколумбайновской тематики в онлайн-сообществах: 1) ТТС — трукрайм комьюнити, 2) суицидальной (или иной аутодеструктивной) тематики²⁴. Проявившее интерес к данной теме лицо начинает самостоятельно искать информацию о колумбайн-движении, и так формируется его «информационный пузырь», индивид начинает мыслить в парадигме колумбайновского сценария решения проблем, вступает в онлайн-сообщества колумбайновской тематики, вовлекается в чаты и группы более закрытого типа (в том числе в сегменте даркнета).

В ходе проведенного нами исследования было установлено, что группы с тематикой скулшутинга во многом построены на тех же принципах применения манипулятивных технологий, что и деструктивные психокульты и секты, по которым их можно выделить из остальных популярных интернет-сообществ, в большей степени нацеленных на укрупнение количества подписчиков, а не на совершение ими определенных действий.

Иерархическая структура в организованной деятельности по оказанию деструктивного влияния в социальных сетях может быть структурно разделена на следующие уровни:

- 1) базовый уровень («идеологи»),
- 2) средний уровень («кураторы»),
- 3) нижний уровень («начинающие»)²⁵.

«Идеологи», «прокачав» новых адептов движения на нижнем уровне, делают из них кураторов соответствующих онлайн-сообществ, передавая права администрирования медиаресурсами. Так фактические администраторы обеспечивают себе дополнительные меры конспирации, а также продолжают создавать новые страницы и чаты в Интернете.

Проведенный совместно с ЦАПИ статистический анализ показал, что в социальной сети «ВКонтакте» один аккаунт администрирует в среднем около 5 онлайн-сообществ колумбайновской тематики, что позволяет сделать вывод об организованной деятельности по оказанию манипулятивного психологического воздействия на аудиторию социальной сети с целью вовлечения в движение «колумбайн». Еще одним подтверждением данной гипотезы является факт использования всеми онлайн-сообществами колумбайновской тематики сходного и/или идентичного контента, направленного на пропаганду скулшутинга, а также репосты (в том числе перекрестные) материалов из одной группы в другую.

Одним из факторов, способствующих активному распространению деструктивной колумбайн-пропаганды в Интернете, является сетевой феномен эхокамер²⁶: интернет-пользователи, независимо от своей территориальной принадлежности, объединяются в виртуальные сообщества, общаются и еще больше укрепляются в своих мировоззренческих установках, а все, что не согласуется с ценностями данных сообществ, игнорируется без какой-либо критики, т.е. запускается механизм так называемой «групповой поляризации», о которой писал К. Санстейн²⁷.

Идеологию скулшутеров характеризует своеобразная дихотомия: типичный приверженец скулшутинга, с одной стороны, чувствует свою ущербность, причисляет себя к аутсайдерам, выражает обиду на сверстников и в целом на жизнь, чувствует себя покинутым и одиноким человеком, который влачит жалкое существование и которого невозможно спасти; с другой стороны, он постулирует свое превосходство над сверстниками и (или) над всем человечеством, презентует себя в качестве Бога (высказывания типа «я Бог», «я имею власть над всеми», «я предпишу вам смертный приговор», «они расходный материал, а я великий», «я не человек. Я выше»).

²⁴ Стимулом к поиску информации о колумбайн-движении может быть также информация из СМИ (освещение актов скулшутинга), из художественных фильмов, посвященных трагедии в школе «Колумбайн», и т.д.).

²⁵ Белоусов А. Д. Угрозы сети Интернет для несовершеннолетних пользователей: психологический анализ и профилактика : монография. М. : Проспект, 2021. С. 55–61.

²⁶ Sunstein C. R. Echo chambers. Princeton: Princeton University Press, 2001. 108 p. ; Поцелуев С. П., Подшибякина Т. А. О факторах политической радикализации в сетевой коммуникации посредством «эхокамер» // Научная мысль Кавказа. 2018. № 2 (94). С. 29–34.

²⁷ Sunstein C. R. Republic.com 2. Princeton — Oxford : Princeton University Press, 2007. P. 60.

Скулшутеры позиционируют себя как вершители судеб, осуществляющие «естественный отбор» и отправляющие «в космос» (уничтожающие) людей, кто, по их мнению, хуже них.

Право на такой отбор последователи колумбайна аргументируют тем, что убийство, насилие, порабощение — естество человека, в котором нет запретов.

Как показало наше исследование, колумбайнеры в социальных сетях нередко открыто (на личных страницах или в переписке) заявляют о своем желании убивать, убивать без повода и без разбора, при этом нередко сопровождая такие постулаты комментариями типа: «Да, я полный псих, и я этим горжусь».

Таким образом, идеология «скулшутинг», носящая в целом агрессивный характер, в то же время имеет депрессивно-аутодеструктивные черты: паблики колумбайновского дискурса содержат в том числе контент суицидальной направленности, а идея совершения массового школьного расстрела у большинства колумбайнеров включает в себя последующее самоубийство (в том числе по образцу, как это сделали Э. Харрис и Д. Клиболд).

Массовый расстрел в школе «Колумбайн» стал для скулшутеров сценарием для подражания, при этом последователи колумбайна практически во всех проанализированных случаях ставят своей целью превзойти количество жертв, убитых Э. Харрисом и Д. Клиболдом, и стать еще более знаменитыми, чем они.

Один из них — Владислав Росляков, совершивший акт скулшутинга в г. Керчи (Крым) 18 октября 2018 г. — превзошел своих «учителей» (21 погибший и 67 пострадавших), в связи с чем стал для российских последователей движения не менее важным «героем» для подражания, чем Э. Харрис и Д. Клиболд. Стоит отметить, что формально В. Росляков в сообществах скулшутинга не состоял, но сценарий совершенного им преступления практически полностью повторил американский сценарий.

Приверженцы идеологии скулшутинга позиционируют себя в качестве борцов за идею восстановления справедливости и мести обидчикам таких же изгоев, как они: сверстникам; преподавателям; девушкам (которые смотрят только на внешность, не обращают внимание на их внутренний мир, их уникальность и т.п.); обществу в целом, которое, по их мнению, потворствует травле и несправедливому отношению к ним; сотрудникам правоохранительных и иных органов исполнительной власти;

государству в целом, которое «выбрало такую политику», и т.д.

По публичным утверждениям самих колумбайнеров, общество и государство уродуют людей, делают их социопатами и убийцами, т.к. в совершении массового убийства они видят единственный путь выпустить свою ненависть и привлечь внимание к несправедливости общественного устройства.

Идеологию «колумбайн» характеризует антирежимная риторика, нередко сопровождающаяся призывами совершить революцию, уничтожить «это тупое государство» и т.д. В данном отношении прослеживаются явные сходства с терроризмом, преследующим цель не только склонить власти к принятию решений путем насилия, но и посеять в обществе атмосферу ужаса, уничтожить как можно больше людей.

Колумбайн-пропаганда «срачивается» с иными деструктивными идеологиями. В наибольшей степени это наблюдается в отношении национал-социализма: большинство колумбайнеров, как показало проведенное нами исследование, являются одновременно последователями идеологии нацизма. В определенной степени это связано с тем, что «икона» колумбайна — Э. Харрис — тоже был приверженцем нацизма и ярким фанатом А. Гитлера (к слову, в день трагедии в Пермском государственном университете один из праворадикальных телеграм-каналов с аудиторией свыше 2,5 тыс. человек заявил, что пермский колумбайнер (Тимур Бекмансуров) являлся админом данного канала).

Исследование также показало, что ряд скулшутеров придерживается и других видов экстремистской идеологии (радикального исламизма или, напротив, ненависти к мусульманам, этническим меньшинствам и т.д.). С другой стороны, ряд последователей скулшутинга, считающие себя несправедливо обделенными женским вниманием, придерживаются женоненавистнических взглядов (при этом некоторые из них идентифицируют себя в качестве лиц нетрадиционной сексуальной ориентации или состоят в сообществах инцелов²⁸). Последователи идеологии колумбайна нередко являются поклонниками шок- и треш-контента, кровавого аниме, феллцеста²⁹ и иных новых субкультурных течений (например (орфография и пунктуация сохранены): *«люблю смотреть аниме, люблю феллцест и андертейл»³⁰, а также я люблю Эрика и Дилана эти чуваки в 1999 г. устроили геноцид в школе колумбайн, штат*

Колорадо, еще люблю яой и пить энергетики. Короче я феллцестер, колумбайнер и анархист, со мной скучно не будет»).

Кроме того, последователи колумбайна в социальных сетях нередко противопоставляют себя иным деструктивным субкультурам, выражая презрение к АУЕ (запрещенная на территории РФ экстремистская организация), призывая на войну с «быдло-либерастами», утверждая, что «теракты лучше убийств маньяками» и т.д.

С точки зрения анализа правоприменительной практики, нет единого подхода в квалификации преступлений, совершенных (планировавшихся) скулшутерами. Российская судебная практика правовой квалификации массовых школьных «расстрелов» неоднородна: в одних случаях осуществляется квалификация деяния в качестве террористического акта (ст. 205 УК РФ), в других — в качестве убийства двух и более лиц, совершенного общеопасным способом (пп. «а», «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ), при этом по совокупности нередко вменяется незаконное приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение оружия, его основных частей, боеприпасов и (или) взрывчатых веществ или взрывных устройств и (или) незаконное изготовление взрывчатых веществ, незаконное изготовление, переделка или ремонт взрывных устройств (ст. 222, 222.1, 223.1 УК РФ).

Вместе с тем в пользу тезиса об отождествлении понятия акта скулшутинга с актом терроризма свидетельствуют выводы ряда отечественных и зарубежных исследователей.

Ставя знак равенства между понятиями «скулшутинг» и «школьный терроризм»,

Л. А. Гончаров отмечает, что этот вид терроризма является «политически немотивированным, держащим в страхе большие группы людей, фактически в заложники берется целая образовательная или воспитательная среда»³¹.

В целом мы согласны с данной позицией, однако представляется дискуссионным тезис о политической немотивированности колумбайна.

Р. Ларкин, рассматривая акты скулшутинга как политические акты, подчеркивает, что постколумбайновские «яростные расстрелы» отличаются от доколумбайновских следующими характеристиками: мотивация — реванш во имя коллектива, желание заявить о себе; использование медиа для привлечения внимания и т.д.³² Доколумбайновские массовые расстрелы были мотивированы мелкой ненавистью (в том числе за травлю и публичные унижения), женоненавистничеством (в том числе ввиду недостаточного внимания женского пола) и т.п.³³

Колумбайн, по мнению Р. Ларкина, стал «новой парадигмой»:

- 1) задавшей сценарий планирования и осуществления скулшутинга;
- 2) давшей вдохновение для новых яростных расстрелов как актов мести за прошлые ошибки, унижения и социальную изоляцию;
- 3) создавшей рекорд количества жертв массового школьного расстрела, который последователи колумбайна пытались превзойти;
- 4) даровавшей Э. Харрису и Д. Клиболду мифический статус в пантеоне отверженных учебных субкультур³⁴.

По словам самих колумбайнерских стрелков, они хотели запустить революцию среди уни-

²⁸ Инцелы (англ. incels, словослияние от англ. involuntary celibates — «невольно воздерживающиеся (от секса)») — члены субкультуры, идентифицирующие себя как неспособные найти сексуального партнера (несмотря на желание это сделать). Вину за невольное воздержание инцелы целиком возлагают на женщин, призывая к изнасилованиям, законодательному установлению дискриминации женщин и легализации секс-рабства, призывая к осуществлению насилия в отношении сексуально активных людей, распространяя расистские взгляды и т.д.

²⁹ Феллцест — жанр сетевой коммуникации, характеризующийся романтизацией и сексуализацией скелетов и атрибутов загробного мира.

³⁰ Undertale — компьютерная ролевая игра, героем которой выступает ребенок, попавший в загробный мир.

³¹ Гончаров Л. А. Колумбайн и скулшутинг в структуре молодежного экстремизма и терроризма // Вестник Воронежского института экономики и социального управления. 2019. № 2. С. 29.

³² Larkin R. W. The Columbine Legacy: Rampage Shootings as Political Acts // American Behavioral Scientist. 2009. Vol. 52. № 9. P. 1312.

³³ Moore M. H., Petrie C. V., Braga A. A., McLaughlin B. L. Deadly lessons: Understanding lethal school violence. Washington, DC : National Academies Press, 2003.

Muschert G. W. Research in school shootings // Sociology Compass. 2007. Vol. 1 (1). P. 60–80.

³⁴ Larkin R. W. The Columbine Legacy: Rampage Shootings as Political Acts // American Behavioral Scientist. 2009. Vol. 52. № 9. P. 1313–1314.

женных и презираемых учеников всего мира³⁵, т.е. были откровенно политичными в своих намерениях совершить массовый расстрел в школе³⁶.

Р. Ларкин приходит к выводу, что после случая в школе «Колумбайн» акты скулшутинга перестали быть просто актами мести психически неуравновешенных одиноких студентов, а переросли в общественном сознании в политические акты³⁷.

Как показало наше собственное исследование российской правоприменительной практики и мониторинг русскоязычного сегмента социальных сетей, политико-террористическая сущность актов скулшутинга проявляется в том, что колумбайнеры, помимо стремления совершить акт мести, руководствуются желанием увидеть чувство беспомощности власти, ее несостоятельность в осуществлении контроля над всем (власть виновата в негативном отношении сверстников, отсутствии финансовых возможностей у семьи, а также во всех проблемах граждан). Массовые расстрелы, по мнению колумбайнеров, помогут «изменить систему» и «смогут уменьшить количество людей, которые будут чувствовать себя жертвами». Ответственность за травлю со стороны сверстников, плохие внутрисемейные отношения, финансовые трудности «скулшутеры» возлагают на действующую в стране власть: «это наша власть выбрала такую политику». Осуществление террористического акта путем «школьного расстрела» расценивается колумбайнерами как способ оказания влияния на власть: 1) «Я хотел видеть, как власти будут винить себя. Я знал, что докажу власти что они не могут все контролировать», 2) «освободиться от оков системы мы можем только общими усилиями»; 3) я ненавижу мусульман, русских и политику России, хочу стереть это тупое государство с лица земли»; 4) «мы

хотели> Убить как больше нерусских в школе, и чтобы на нас обратили внимание, и чтобы в эту школу больше не принимали нерусских, или в основном в России. <...> хотели, чтобы на это посмотрело Правительство, ну, чтобы больше в <...> школы, в нашу особенно... не принимали туда нерусских, вот этих таджиков, армян, кавказцев» (орфография и пунктуация сохранены).

Таким образом, насильственные действия, которые пропагандирует субкультура «колумбайн», направлены на устрашение населения, дестабилизацию деятельности органов власти и/или воздействие на принятие ими решений. Как отмечает С. М. Кочои, «главное в террористическом акте — это характер совершаемых действий (взрыв, поджог и подобные действия), которые создают опасность гибели человека, наступления иных тяжких последствий, и намерение, с которым они совершаются, — *устрашение населения и в конечном счете воздействие на государство*»³⁸.

Направленность на устрашение населения, цели дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений закреплены в законодательстве в качестве обязательных признаков такого преступления, как террористический акт (ст. 205 УК РФ, ст. 3 Федерального закона «О противодействии терроризму»), что позволяет квалифицировать речевые действия, направленные на пропаганду субкультуры «колумбайн», по ст. 205.2 УК РФ, которая запрещает публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганду терроризма.

Экстремистские речевые действия³⁹ (речевые акты) колумбайновского дискурса⁴⁰, исходя из нормативного обеспечения противодействия терроризму, а также положений судебного ре-

³⁵ Gibbs N., Roche T. (1999, December 20). The Columbine tapes // Time Magazine. P. 4.

³⁶ Larkin R. W. Comprehending Columbine. Philadelphia : Temple University Press, 2007.

³⁷ Larkin R. W. The Columbine Legacy: Rampage Shootings as Political Acts // American Behavioral Scientist. 2009. Vol. 52. № 9. P. 1320–1323.

³⁸ Кочои С. М. Пробелы в законодательстве о терроризме и предложения по их устранению // Всероссийский криминологический журнал. 2016. № 4. С. 743.

³⁹ Вслед за рядом отечественных и зарубежных ученых мы рассматриваем терроризм как крайнюю форму экстремизма, поэтому понятия «экстремизм» и «терроризм» соотносятся как общее и частное.

⁴⁰ Дискурс (от франц. discours — речь) — связный текст в совокупности с экстралингвистическими — прагматическими, социокультурными, психологическими [и др.] факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмов их сознания (когнитивных процессах). Дискурс —

чеведения и теории речевых актов, можно подразделить на следующие виды:

- призывы (побуждение) к осуществлению колумбайна (скулшутинга);
- обоснование необходимости осуществления колумбайна» (скулшутинга);
- оправдание необходимости осуществления колумбайна (скулшутинга)⁴¹.

С криминалистической точки зрения структуру любого экстремистского речевого действия можно представить следующим образом:

- предмет речи (тематика);
- отношение автора;
- речевая цель⁴².

Предельно важным является анализ всех вышеупомянутых компонентов в совокупности, т.к. игнорирование хотя бы одного из них приводит к серьезным ошибкам: закон не запрещает говорить о чем-то, не устанавливает цензуру на какие-либо тематики выступлений (например, на обсуждения исторических фактов конфликтов, фактов преступлений и т.д.),

он запрещает такие речевые действия, в которых **тематика продукта речевой деятельности** (предмет речи) сопряжена с определенным **отношением автора** (положительным (*например, признание допустимым колумбайна*))/отрицательным (*в этом случае признается необходимость изменения ситуации*)) и **речевой целью** (*например, побудить к определенным противоправным действиям*).

Упомянутая выше комбинация строго определенных компонентов: тематики (предмета речи), отношения автора к предмету речи и речевой цели — образует криминалистический диагностический комплекс (далее — КДК) речевого действия, имеющий свои собственные специальные (лингвистические) признаки и представляющий собой типовую модель криминогенного речевого действия — образец-эталон для криминалистического исследования с целью установления в речевом продукте специальных признаков объективной стороны преступления (табл. 1)⁴³.

Таблица 1

КДК «побуждение к скулшутингу»

Компонент ПРД	Криминалистические (лингвистические) признаки эталона
Предмет речи	1. Объект криминогенной речевой агрессии — одноклассники и/или иные обучающиеся школы и/или учителя. 2. Физические насильственные действия (массовое убийство), которые необходимо совершить реципиенту (адресату) в отношении п. 1
Отношение	Положительная оценка описанных/указанных насильственных действий, признание необходимым их совершения
Речевая цель	Побуждение реципиента к совершению описанных/указанных насильственных действий

Языковыми формами побуждения являются глаголы в повелительном наклонении, предикаты долженствования, инфинитивы, эллиптические предложения и т.д. Пример выражения побуждения через глаголы повелительного наклонения в стихотворении одного из колумбайнеров: *«Бей их, что бы спасти себя», «Их*

ты просто режь, режь», «От жизни отрекись, или их убей» (орфография и пунктуация сохранены).

Речевая цель в речевом акте «побуждение к скулшутингу» зачастую сопряжена с демонстрацией того, что только убийства (расстрел) колумбайновского сценария смогут изменить

это речь, «погруженная в жизнь» (см.: Лингвистический энциклопедический словарь // URL: <http://lingvisticheskiy-slovar.ru/description/diskurs/168> (дата обращения: 21.05.2021)).

⁴¹ «Пропаганда» выступает речевой стратегией, которая может сочетать любую комбинацию из перечисленных речевых актов.

⁴² За основу взят подход специалистов РФЦСЭ при Минюсте России о триединой структуре «экстремистского значения». См., например: Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму / ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России. М., 2014. 98 с.

⁴³ Галышина Е. И., Никишин В. Д., Богатырев К. М. Типовые криминалистические диагностические комплексы криминогенных речевых действий // Судебная экспертиза. 2021. № 1 (65). С. 16–31.

систему, созданную властью, которая стала причиной негативного отношения сверстников к автору речевого продукта. Побуждение к скулшутингу зачастую выражается в «манифестах» колумбайнеров, содержащих призывы осуществлять школьные расстрелы с целью изменить существующее положение дел.

Отрицательное отношение к существующему положению дел может быть выражено в том числе через указание на нецелесообразность бездействия («Зачем страдать? Зачем от них чего-то ждать? Зачем себя в моральную

тюрьму сажать?» (орфография и пунктуация сохранены)).

Насильственные действия (предмет речи) в тексте могут прямо не называться, но «выводиться» из контекста (в том числе содержащем отсылки к прецедентам колумбайна, именам колумбайнеров и т.д.): «До костей все мясо чтоб горело, Что бы плоть горела как шансы на жизнь», «И по классам всем пройтись, Сжигая всех живьем. Только лишь забыв про человечность. Можно сжечь друзей живьем» (орфография и пунктуация сохранены).

Таблица 2

КДК «обоснование необходимости скулшутинга»

Компонент ПРД	Криминалистические (лингвистические) признаки эталона
Предмет речи	1. Объект криминогенной речевой агрессии — одноклассники и/или иные обучающиеся школы и/или учителя. 2. Физические насильственные действия (массовое убийство), которые необходимо совершить реципиенту (адресату) в отношении п. 1
Отношение	Положительная оценка описанных/указанных насильственных действий, признание правильным и необходимым их совершения или обещание совершить описанные/указанные насильственные действия с призывом поддержать их «морально»
Речевая цель	Убеждение реципиента в правильности и целесообразности совершения указанных/описанных насильственных действий

Положительная оценка колумбайна может выражаться в том числе через сравнение с иными насильственными действиями, через признание колумбайна более «гуманным» способом расправы, например: «*вот и сравнить маньяков и тех кто например совершает массовые акты терроризма. По моему массовые убийства более гуманнее, ибо все закончится быстро*» (орфография и пунктуация сохранены).

Речевое действие «**оправдание необходимости скулшутинга**» предполагает прежде всего утверждение о том, что общепринятая оценка предмета речи неверна, что преследуемые по закону насильственные действия на самом деле являются допустимыми, и (или) правильными, и (или) желательными, и (или) необходимыми с точки зрения морали, восстановления справедливости и т. п.⁴⁴

Таблица 3

КДК «оправдание необходимости скулшутинга»

Компонент ПРД	Криминалистические (лингвистические) признаки эталона
Предмет речи	1. Объект криминогенной речевой агрессии — одноклассники и/или иные обучающиеся школы и/или учителя. 2. Физические насильственные действия (массовое убийство), которые необходимо совершить реципиенту (адресату) в отношении п. 1
Отношение	Положительная оценка указанных/описанных насильственных действий через их: — одобрение, — восхваление, — героизацию,

⁴⁴ Никишин В. Д. Словесный религиозный экстремизм. Правовая квалификация. Экспертиза. Судебная практика : монография / под ред. Е. И. Галяшиной. М. : Проспект, 2019. С. 78–79.

Компонент ПРД	Криминалистические (лингвистические) признаки эталона
	— романтизацию, — выражение чувств причастности/солидарности и т.п.
Речевая цель	Убеждение реципиента в допустимости (правильности, желательности, необходимости) совершения указанных/описанных насильственных действий

Положительная оценка в речевом акте «оправдание необходимости скулшутинга» может выражаться через указание на то, что акт колумбайна — «закономерное» следствие буллинга делинквента, «несправедливого» к нему отношения, «несправедливости» общества в целом и т.д., например (орфография и пунктуация сохранены): 1) *«террористы становятся даже не по своей воле бывает. Влад Росляков, всю жизнь лишь плевки и всякое говно доставалось, и вот просто ему нужно было просто смириться, к нему так относятся и жить с этим, терпел бы, зато бы никто не убил. Класс! Мир и любоф! Следствие обстоятельств»* (прием иронии); 2) *«то, что сделал Росляков, это он еще малое сделали что мог сделать. Это еще считай милосердие к учащимся этого колледжа. Если бы в этой истории была справедливость то ничего бы не было»; «я не нахожу другого способа куда деть свою ненависть, можно было относиться ко мне лучше, и этого бы не произошло, у меня практически нулевая самооценка когда речь идет о девушках, внешности и так далее, все надо мной смеются»; 3) «Что Клиболд, что Харрис — продукты типичных подростковых конфликтов, когда внезапно оказывается, что ты не самый красивый, не самый лучший, не самый умный, а твои интересы не самые популярные и многим кажутся странным. Мало было печали, так еще за твои «не такое» тебя будут усиленно чморить. Вот тебе и вырастает человек-жертва буллинга и унижения. Многие подростки испытывают на себе подобное и оттого многие тянутся к таким вот образам мести за унижения. Прибавить сюда еще и ненависть к школе и вообще будет опасно».*

Романтизация массовых расстрелов может достигаться через создание привлекательного образа осуществляемой деятельности: *«В твоих глазах блестит огонь, Он сверкает как упавшая звезда, Как жар птица, сверкающая огнем, Словно цветок огня»; «И пойди вершить добро...»* (орфография и пунктуация сохранены).

В речевых актах, направленных на пропаганду субкультуры «колумбайн», объект крими-

ногенной агрессии (аут-группа) зачастую имеет уничижительную оценку: постулируется, что все люди, придерживающиеся «стандартной жизни», заслуживают смерти (*«заткнитесь и умрите!»*); аут-группа — *«быдло, заслуживающее смерти», «моральные уроды, недостойные жить», «ублюдки, ущерб, полоумные, паразиты, пожирающие страну»*; может выражаться готовность отомстить «всему поколению Z», которое *«интересуют только секс и наркотики»*, которое *«не дает нормально жить, смеется надо мной»* (орфография и пунктуация сохранены).

Как показало исследование, в колумбайн-дискурсе ненависть к одноклассникам может экстраполироваться на ненависть к родителям, девушкам, представителям иных религий, на ненависть к обществу и государству в целом (мотив «чистой» ненависти), сочетаться с политическими тезисами о необходимости нового лидера страны и осуществления военного переворота / праворадикальной революции и т.п., подкрепляя их утверждениями типа (орфография и пунктуация сохранены): 1) *«демократия — худшая форма политического режима»*, 2) *«диктатура — лучшая форма правления»*, 3) *«необходимо создать партию национал-патриотизма»*; 4) *«В седьмом классе мое сознание начало меняться, я стал очень агрессивным ко всем, я перестал общаться с матерью, меня начали посещать мысли суицида»; причина проблемы: 5) «Так устроено в нашей стране. Где везде коррупция»; 6) «И вся эта коррупция идет с головы. Это наша власть выбрала такую политику. Это они наживаются на чужом горе»; 7) «Нет дела власти до обычных граждан, нет СПРАВЕДЛИВОСТИ»; 8) «власть может понять только силу», школьные расстрелы необходимы, «чтобы поменять политическую ситуацию в стране» и т.п.*

Стоит отметить, что, как показал анализ правоприменительной практики и мониторинг социальной сети «ВКонтакте», не во всех продуктах речевой деятельности, направленных на пропаганду субкультуры «колумбайн», эксплицитно выражены направленность пропаганди-

руемых насильственных действий (скулшутинга) на устрашение населения и воздействие на государство. В таких случаях возникает неопределенность в правовой квалификации криминальных речевых действий. С одной стороны, отсутствие в конкретном речевом продукте указанной направленности не позволяет квалифицировать действия лица как пропаганду терроризма (включая призывы, оправдание) по ст. 205.2 УК РФ. С другой стороны, в доктрине терроризм нередко рассматривается как «идеологически мотивированное насилие»⁴⁵ вне привязки к целям выдвижения конкретных требований государственным органам и т.п., а субкультура «колумбайн» в целом имеет направленность на устрашение населения, дестабилизацию органов власти и институтов гражданского общества и, безусловно, представляет собой деструктивную идеологию насилия.

Данная проблема требует, на наш взгляд, дальнейшего теоретического осмысления и внесения изменений в нормативные правовые акты, однако в рамках действующего законодательства речевые действия, охватываемые понятием пропаганды скулшутинга, но не содержащие прямо или косвенно выраженную направленность пропагандируемых насильственных действий (массовых расстрелов) на устрашение населения и воздействие на государство, при установлении мотивов ненависти или вражды, представляется целесообразным квалифицировать по ст. 280 УК РФ и (или) ст. 282 УК РФ.

В случае отсутствия в конкретном речевом продукте рассмотренной выше направленности, но наличия экстремистских мотивов, пропагандируемые массовые расстрелы рассматриваются не как террористические акты, а как убийства по мотивам ненависти или вражды (п. «л» ч. 2 ст. 105 УК) и охватываются, таким

образом, понятием экстремистской деятельности (экстремизма) в соответствии с п. 1 ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности».

Соответственно, в таких случаях побуждение к скулшутингу (таблица 1) может быть квалифицировано по ст. 280 УК РФ («Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности»), а обоснование и оправдание скулшутинга (таблицы 2–3) — по ст. 282 УК РФ («Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства»), т.к. концепт «возбуждение ненависти либо вражды», как было нами обосновано ранее⁴⁶, охватывает понятия обоснования и оправдания необходимости осуществления экстремистской деятельности, что также нашло отражение в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»: «Публичное распространение информации, в которой *обосновывается необходимость* совершения противоправных действий в отношении лиц по признаку расы, национальности, религиозной принадлежности и т. д., либо информации, *оправдывающей такую деятельность*, следует квалифицировать по статье 282 УК РФ при наличии иных признаков этого состава преступления»⁴⁷.

Рассмотренные криминалистические диагностические комплексы речевых действий колумбайновского дискурса позволяют осуществить в дальнейшем правовую квалификацию речевого действия как преступления, предусмотренного ст. 205.2 УК РФ или ст. 281 (282) УК РФ, при наличии/отсутствии направленности пропагандируемых массовых расстрелов на устрашение населения с целью оказания воздействия на органы власти или экстремистских мотивов.

⁴⁵ Investigating the Applicability of Macro-Level Criminology Theory to Terrorism: A County-Level Analysis / J. D. Freilich [et al.] // Journal of Quantitative Criminology. 2015. Vol. 31, iss. 3. P. 383–411.

⁴⁶ Никишин В. Д. Указ. соч. С. 57–86.

⁴⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»: офиц. текст по состоянию на 20 апреля 2021 г. // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Белоусов А. Д. Угрозы сети Интернет для несовершеннолетних пользователей: психологический анализ и профилактика : монография. — М. : Проспект, 2021. — 80 с.
2. Галяшина Е. И., Никишин В. Д., Богатырев К. М. Типовые криминалистические диагностические комплексы криминогенных речевых действий // Судебная экспертиза. — 2021. — № 1 (65). — С. 16–31.
3. Гончаров Л. А. Колумбайн и скулшутинг в структуре молодежного экстремизма и терроризма // Вестник Воронежского института экономики и социального управления. — 2019. — № 2. — С. 29–31.
4. Гуров Ф. Н. Информатизация общества и трансформация субъекта коммуникативных практик // Гуманитарный вестник. — 2019. — № 4 (78).
5. Кочои С. М. Пробелы в законодательстве о терроризме и предложения по их устранению // Всероссийский криминологический журнал. — 2016. — № 4. — С. 740–749.
6. Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму / ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России. — М., 2014. — 98 с.
7. Методическое пособие по выявлению признаков риска поведения в социальных медиа. Цифровая гигиена / Н. Касперская, И. Ашманов. — М. : Крибрум, 2019. — 40 с.
8. Никишин В. Д. Словесный религиозный экстремизм. Правовая квалификация. Экспертиза. Судебная практика : монография / под ред. Е. И. Галяшиной. — М. : Проспект, 2019. — 240 с.
9. Поцелуев С. П., Подшибякина Т. А. О факторах политической радикализации в сетевой коммуникации посредством «эхокамер» // Научная мысль Кавказа. — 2018. — № 2 (94). — С. 29–34.
10. Рогалева О. С., Шкайдерова Т. В. Новые медиа: эволюция понятия (аналитический обзор) // Вестник ОмГУ. — 2015. — № 1 (75). — С. 222–225.
11. Freilich J. D. [et al.]. Investigating the Applicability of Macro-Level Criminology Theory to Terrorism: A County-Level Analysis // Journal of Quantitative Criminology. — 2015. — Vol. 31. — Iss. 3. — P. 383–411.
12. Fryer B. The media spectacle of Columbine: Alienated youth as an object of fear // American Behavioural Scientist. — 2009. — Vol. 52. — № 10. — P. 1387–1404.
13. Kiilakoski T., Oksanen A. Soundtrack of the school shootings: Cultural script, music and male rage // Young. — 2011. — Vol. 19. — № 3. — P. 247–269.
14. Lankford A. Are America's public mass shooters unique? A comparative analysis of offenders in the United States and other countries // International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice. — 2016. — T. 40. — № 2. — P. 171–183.
15. Larkin R. W. Comprehending Columbine. — Philadelphia : Temple University Press, 2007. — 264 p.
16. Larkin R. W. The Columbine Legacy: Rampage Shootings as Political Acts // American Behavioral Scientist. — 2009. — Vol. 52. — № 9. — P. 1309–1326.
17. Malkki L. Political elements in post-Columbine school shootings in Europe and North America // Terrorism and political violence. — 2014. — T. 26. — № 1. — P. 185–210.
18. McMurdo S. 'It's a filthy goddamn helpless world': Reimagining Columbine, Tate Langdon and the spectre of school shooters // European Journal of American Culture. — 2019. — Vol. 38. — № 1. — P. 57–69.
19. McWilliam D. Fear and loathing in suburbia: School shootings // Violence in American Popular Culture / D. Schmid (ed.). — Santa Barbara : Praeger, 2015. — P. 183–202.
20. Moore M. H., Petrie C. V., Braga A. A., McLaughlin B. L. Deadly lessons: Understanding lethal school violence. — Washington, DC : National Academies Press, 2003. — 400 p.
21. Muschert G. W. Research in school shootings // Sociology Compass. — 2007. — Vol. 1 (1). — P. 60–80.
22. Muschert G. W. The Columbine victims and the myth of the juvenile superpredator // Youth, Violence and Juvenile Justice. — 2007. — Vol. 5. — № 4. — P. 351–366.
23. Sunstein C. R. Echo chambers. — Princeton : Princeton University Press, 2001. — 108 p.
24. Sunstein C. R. Republic.com 2. — Princeton — Oxford : Princeton University Press, 2007.

Материал поступил в редакцию 28 сентября 2021 г.

REFERENCES

1. Belousov AD. Ugrozy seti internet dlya nesovershennoletnikh polzovateley: psikhologicheskii analiz i profilaktika : monografiya [Threats of the Internet for minors: psychological analysis and prevention: Monograph]. Moscow: Prospect Publ.; 2021 (In Russ.).
2. Galyashina EI, Nikishin VD, Bogatyrev KM. Tipovye kriminalisticheskie diagnosticheskie komplekсы kriminogennykh rechevykh deystviy [Typical criminalistic diagnostic complexes of criminogenic speech actions]. *Forensic Examination*. 2021;1(65):16-31 (In Russ.).
3. Goncharov LA. Kolumbayn i skulshuting v strukture molodezhnogo ekstremizma i terrorizma [Columbine and school shooting in the structure of youth extremism and terrorism]. *Bulletin of the Voronezh Institute of Economics and Social Management*. 2019;2:29-31 (In Russ.).
4. Gurov FN. Informatizatsiya obshchestva i transformatsiya subekta kommunikativnykh praktik [Informatization of society and transformation of the subject of communicative practices]. *Humanitarian Bulletin*. 2019;4(78) (In Russ.).
5. Kochoi SM. Probely v zakonodatelstve o terrorizme i predlozheniya po ikh ustraneniyu [Gaps in Anti-Terrorism Legislation and Proposals for Bridging them]. *Russian Journal of Criminology*. 2016;4:740-749 (In Russ.).
6. Kukushkina OV, Safonova YuA., Sekerazh TN. Metodika provedeniya sudebnoy psikhologo-lingvisticheskoy ekspertizy materialov po delam, svyazannym s protivodeystviem ekstremizmu i terrorizmu [Methodology of forensic psychological and linguistic examination of materials concerning cases related to countering extremism and terrorism]. Moscow: RFCFS of the Russian Ministry of Justice; 2014 (In Russ.).
7. Metodicheskoe posobie po vyyavleniyu priznakov riska povedeniya v sotsialnykh media. Tsifrovaya gigiena [Methodological guide for identifying signs of risk behavior in social media]. Moscow: Kribrum Publ.; 2019 (In Russ.).
8. Nikishin VD. Slovesnyy religioznyy ekstremizm. Pravovaya kvalifikatsiya. Ekspertiza. Sudebnaya praktika : monografiya [Verbal religious extremism. Legal qualifications. Expertise. Judicial practice: monograph]. Moscow: Prospekt Publ.; 2019 (In Russ.).
9. Potseluev SP, Podshibyakina TA. O faktorakh politicheskoy radikalizatsii v setevoy kommunikatsii posredstvom «ekhekamer» [On the Factors of Political Radicalization in Network Communication through "Echo Chambers"]. *Scientific Thought of Caucasus*. 2018;2(94):29-34 (In Russ.).
10. Rogaleva OS, Shkayderova TV. Novye media: evolyutsiya ponyatiya (analiticheskiy obzor) [New media: the evolution of the concept (analytical review)]. *Herald of Omsk University*. 2015;1(75):222-225 (In Russ.).
11. Freilich JD, et al. Investigating the Applicability of Macro-Level Criminology Theory to Terrorism: A County-Level Analysis. *Journal of Quantitative Criminology*. 2015;31(3): 383–411.
12. Fryer B. The media spectacle of Columbine: Alienated youth as an object of fear. *American Behavioural Scientist*. 2009;52(10):1387-1404.
13. Kiilakoski T., Oksanen A. Soundtrack of the school shootings: Cultural script, music and male rage. *Young*. 2011;19(3):247-269.
14. Lankford A. Are America's public mass shooters unique? A comparative analysis of offenders in the United States and other countries. *International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice*. 2016;40(2):171-183.
15. Larkin RW. Comprehending Columbine. Philadelphia: Temple University Press; 2007.
16. Larkin RW. The Columbine Legacy: Rampage Shootings as Political Acts. *American Behavioral Scientist*. 2009;52(9):1309-1326.
17. Malkki L. Political elements in post-Columbine school shootings in Europe and North America. *Terrorism and political violence*. 2014;26(1):185-210.
18. McMurdo S. 'It's a filthy goddamn helpless world': Reimagining Columbine, Tate Langdon and the spectre of school shooters. *European Journal of American Culture*. 2019;38(1):57-69.
19. McWilliam D. Fear and loathing in suburbia: School shootings. Violence in American Popular Culture. Schmid D., editor. Santa Barbara: Praegar; 2015.
20. Moore MH, Petrie CV, Braga AA, McLaughlin BL. Deadly lessons: Understanding lethal school violence. Washington, DC: National Academies Press; 2003.
21. Muschert GW. Research in school shootings. *Sociology Compass*. 2007;1(1):60-80.
22. Muschert GW. The Columbine victims and the myth of the juvenile superpredator. *Youth, Violence and Juvenile Justice*. 2007;5(4):351-366.
23. Sunstein CR. Echo chambers. Princeton: Princeton University Press; 2001.
24. Sunstein CR. Republic.com 2. Princeton—Oxford: Princeton University Press; 2007.